

В конце концов Нань-гээр всё же решил учиться боевым искусствам у двух наставников.

И дело было вовсе не в принуждении старших. Господин Ся, чья карьера была завоевана ценой невероятных усилий на ратном поле, прекрасно понимал: путь учёности сулит куда больше почёта и выгоды. Зачем рисковать головой, если можно стать уважаемым сюцаем?

К наукам у Нань-гэера особого таланта не водилось — учился он самую малость лучше старшего брата, да и то бог весть, не благодаря ли ежедневным стараниям Ся Чэня, который усердно натаскивал племянника.

Поначалу Нань-гээр упрямылся, капризничал, твердил, что желает только зубрить книги, а тренироваться не станет. Домашние спорить не стали: пусть делает что хочет. Однако не прошло и полумесяца, как малец сам пошёл на попятную. Он молча припрятал ранец и послушно встал позади двух мастеров.

Ся Чэнь немало подивился такой перемене и при случае спросил у мальчика, с чего это он вдруг передумал.

На обычно беззаботном, круглом личике Нань-гэера впервые проступила недетская грусть:

— Мне кажется, это несправедливо. Я ведь ленивый, а наставники всё равно твердят, будто я одарённый. Брат же каждое утро поднимается ни свет ни заря, отрабатывает стойки, кулаками машет... Я... даже не знаю, как объяснить. Умом я не блещу, да ещё и лентяй. Если и дальше буду ходить в школу, только семейные деньги переведу. А раз мастера говорят, что у меня талант, буду тренироваться.

Ся Чэнь сочувственно погладил племянника по голове:

— Кто тебе такого наговорил? Никто не заставляет тебя становиться воином. Хочешь учиться — учись на здоровье, плату за школу мы всяко осилим. А что до Дун-гэера... Ему ведь по душе ратное дело. Пусть он не столь одарён от природы, но если проявит упорство, то со временем добьётся не меньшего, чем ты. Чего ты себе голову забиваешь?

Когда братья начали тренироваться вместе и учителя принялись нахваливать природные способности Нань-гэера, Ся Чэнь не на шутку обеспокоился, как бы это не задело Дун-гэера. И дело было вовсе не в недоверии к старшему племяннику. Просто в этих краях детей воспитывали просто, без оглядки на тонкости детской психологии. Дун-гээр находился в том нежном возрасте, когда любая обида воспринимается остро, и Ся Чэнь всерьёз опасался, как бы у мальчика не развилась зависть.

Но, как выяснилось, Дун-гээр характером пошёл в отца, Ся Далана: рос парнем прямодушным

и незлобивым. Успехам младшего брата он искренне радовался. Конечно, лёгкая досада — мол, почему природа обделила его талантом — изредка проскальзывала, но никакой затаённой злобы он не питал.

Радуюсь за смышлёного старшего племянника, Ся Чэнь рассказал ему несколько поучительных историй о людях, которые упорным трудом добились небывалых высот. Вдохновлённый этими рассказами Дун-гээр воспрянул духом и принялся изнурять себя тренировками с ещё большим рвением.

Ся Чэнь и предположить не мог, что его опасения окажутся напрасными: Дун-гээр перенёс испытание стойко, а вот вечно витающий в облаках Нань-гээр, для которого вкусная еда обычно затмевала любые невзгоды, внезапно ударился в самокопание.

Выслушав наставления дяди и узнав, что брат на него ничуть не в обиде, Нань-гээр смущённо почесал затылок:

— Просто я вижу, как брат под вечер еле ноги волочит от усталости... Вот мне и не по себе.

— Это его собственный выбор, — спокойно рассудил Ся Чэнь. — Ты сам поразмысли: сколько деревенских мальчишек спят и видят, как бы обучиться ратному делу, да возможности не имеют. Дун-гээр занимается тем, к чему лежит душа, да ещё и под началом отличных мастеров. Пусть тело ноет от усталости, зато на сердце у него легко. Ты ведь не он, зачем за него переживать? Если действительно хочешь помочь брату — попроси дядюшек, они знают толк в разминании мышц. Выучись этому искусству и делай ему массаж, глядишь, и боль отпустит.

Нань-гээр просиял. Чувство вины перед братом наконец отступило, уступив место искренней радости от возможности принести пользу.

— Обязательно выучусь!

— Погоди-ка, — окликнул его Ся Чэнь. — Ты сам-то определился? Книги или боевые искусства?

Нань-гээр поскрёб макушку:

— Буду тренироваться. Всё-таки наставники говорят, у меня есть способности. Матушка права: в нашем роду весь талант к учению достался тебе одному, дядя. А для меня сидеть за партой — сущая пытка, только деньги зря переводить.

— Раз решил, так тому и быть, — улыбнулся Ся Чэнь, радуясь, что недопонимание улажено. Но затем добавил с хитрой усмешкой: — Но массажу вам лучше учиться вдвоём с братом.

— Это ещё зачем? — удивился Нань-гээр. Брату и без того хватало изнурительных тренировок.

Ся Чэнь рассмеялся:

— А как иначе? Когда ты сам будешь валиться с ног от усталости, кто, по-твоему, станет разминать тебе спину?

«А можно мне... обратно в школу?» — тоскливо подумал Нань-гээр.

Прошла ещё одна зима, и вновь наступила весна.

В начале третьего месяца император Шэньюань из династии Великая Ань объявил о своём отречении. На престол взойшёл пятый принц, Ли Цзэ. Новый период правления получил девиз Сиюань, и этот год стал первым годом эры Сиюань.

Зимой первого года Сиюань конница степных варваров совершила внезапный набег на пограничную крепость. Донесения о подкреплении были перехвачены врагом. Защитники рубежей держали оборону долгие двадцать восемь дней, пока не иссякли все припасы и стрелы. Старший сын генерала Фу — Фу Юнь, и его третий сын — Фу Жуй, бились до последнего вздоха и пали смертью храбрых в день, когда пали крепостные стены.

В первом месяце второго года Сиюань великий генерал Фу вместе со вторым сыном, Фу Чжэнем, который не успел справить и трёх месяцев со дня свадьбы, спешно отправился на границу. В родовом поместье остались лишь престарелая мать, женщины и младший сын — пятнадцатилетний Фу Чжань.

Ещё в третьем месяце первого года Сиюань император Сиюань велел бросить в темницу всех членов клана Ло — родственников по материнской линии. Даже горькие слёзы и мольбы вдовствующей императрицы не смягчили сердца её царственного сына.

В пятом месяце того же года, ознаменованном великой победой на рубежах, младший брат вдовствующей императрицы и родной дядя государя был приговорён к плахе. Император Сиюань лично следил за исполнением приговора. Остальных членов клана Ло лишили всех титулов и разжаловали в простолюдины.

Во второй год правления Сиюань, вслед за чудесным сортом риса, Великая Ань обрела новые невиданные ранее высокоуровневые культуры. Великий синун выменял у заморских рыжеволосых чужеземцев семена двух высокоурожайных растений.

Клубни первого созревали глубоко под землёй, давая урожай, превосходящий любые другие злаки. Сытные и приятные на вкус, невзрачные с виду, они напоминали разросшиеся бобы, за что простой люд прозвал их картофелем.

Второе же растение приносило крупные золотистые початки с ровными, словно яшма, сладкими зёрнами. Назвали его кукурузой.

Император Сиюань пришёл в неописуемый восторг и издал указ, провозглашавший: «Небеса благоволят Великой Ань!»

К четвёртому году эры Сиюань Ся Чэню исполнилось двенадцать. К тому времени он уже более четырёх лет постигал науки под началом наставника Мэна. Учитель объявил, что основы заложены прочно и мальчику пора бы попытаться счастья на уездных экзаменах.

Все эти годы семейство Ся жило в относительном достатке и покое. Вскоре после того, как Ся Чэнь сел за парту, семейство Тянь тоже решило отдать своего единственного избалованного наследника, Тянь Лайбао, в учение, причём в самую дорогую школу уезда.

Тянь Лайбао, который был на год старше Дун-гэера, рос в такой неге и обожании, что совершенно лишился разума от безнаказанности. К шестнадцати годам, проведя в стенах школы четыре года, он едва мог написать собственное имя, зато преуспел во всех возможных пороках: от выпивки до весёлых девиц и костей.

Когда Ся Чэнь обмолвился об этом отцу, господин Ся лишь усмехнулся:

— Яблочко от яблони. Весь в папашу пошёл. Готовь монеты, сынок, скоро будем расширять наши угодья.

Предсказание сбылось быстрее, чем можно было ожидать. Вскоре Тянь Лайбао крупно проигрался в игорном доме. Держатели пригрозили отрубить ему руки и ноги, если долг не будет возвращён в срок. Хотя у Лайбао и имелось несколько влиятельных зятьёв, даже их заступничество не помогло замять дело. Семье Тянь пришлось спешно выставить на продажу несколько десятков му пахотных земель, чтобы выкупить непутёвого наследника.

Землю продавали в спешке. Во всей округе купить такой большой надел разом могли только Ся. Другие богатеи либо жили слишком далеко, либо безбожно сбивали цену, а распродают угодья по частям заняло бы слишком много времени. В итоге семейству Тянь пришлось зажать нос и уступить землю ненавистным соседям. Так семейство Ся в один миг превратилось в крупнейших землевладельцев деревни Цинхэ.

Только тогда Ся Чэнь узнал, что и прежняя сотня му, которой владела его семья, когда-то принадлежала роду Тянь. Отец Тянь Лайбао оказался точно таким же гулякой и пропойцей. К счастью для близких, он рано сошёл в могилу, иначе спустил бы всё состояние ещё много лет назад.

Старый глава семейства Тянь из страха долго не пускал внука учиться за пределы деревни. Но когда до него дошли слухи, что вся округа пророчит Ся Чэню звание сюцая, гордость старика не выдержала. Он отправил любимого внука в город, приставив к нему нескольких слуг для надзора.

Однако если человек твёрдо вознамерился скатиться по наклонной, его и боги не остановят, куда уж там простым слугам. Те попросту не смели перечить молодому барину. Не зря в народе говорят: «Сыну не жаль отцовских трудов». Тянь Лайбао с удовольствием принялся разбазаривать то, что не успел растратить его родитель.

Все эти годы семейство Тянь не оставляло попыток напакостить Ся. У Тянь Лайбао было семь старших сестёр. Самая невзрачная из них вышла за сына богатейшего землевладельца из соседней деревни, а третья, славившаяся редкой красотой, и вовсе пристроилась наложницей к уездному приставу. Имея за спиной столь разветвлённую сеть связей, неудивительно, что господин Ся в своё время не решился на открытое противостояние, даже зная, что именно Тянь стояли за покушением на жизнь его младшего сына.

Но времена изменились. После того как Ся преподнесли двору отборные семена риса, в их доме обосновались люди из генеральского поместья. Ван У и Лю Сы повсюду носили с собой верительные знаки ведомства генерала Фу, перед которыми даже уездный судья склонял голову в почтении. Несколько козней семейства Тянь провалились с треском, принеся зачинщикам лишь убытки, после чего те поспешили прикусить языки и затаиться.

Что касается кукурузы и картофеля, то их тоже передал властям Ся Чэнь. Об урожае золотистых початков господин Ся вскользь упоминал гонцам из генеральского поместья ещё тогда, когда те приезжали за чудо-рисом. Но поскольку в ту пору у них росла всего пара кустов и судить о настоящей урожайности было рано, поднимать шум не стали.

Ся Чэнь не мнил себя спасителем человечества и прекрасно понимал границы собственных возможностей. Однако крестьянская доля в любые времена была тяжела, а уж в эту эпоху — и подавно. Великая Ань казалась вполне сносным государством, и Ся Чэнь искренне желал этой земле прочного мира. В древности ведь как велось? Пока у простого люда есть чашка горячей похлёбки на столе, никто и не подумает бунтовать.

Раз уж у него под рукой оказались семена столь ценных культур, самым разумным решением было отдать их тем, кто сможет распорядиться ими на благо всей страны. Генеральское поместье доказало свою надёжность. Ся Чэнь рассудил, что после риса передача картофеля и кукурузы пройдет без сучка и задоринки. Он решил отдать всё разом, чтобы впредь жить спокойно и не привлекать лишнего внимания.

Стоит признать, господин Ся не ошибся в своих покровителях. На сей раз даже сам генерал Фу поостерёгся выставить своё ведомство напоказ. Обсудив всё на семейном совете, они решили пустить слух, будто семена картофеля и кукурузы попали в страну через заморских купцов. Ни Ся, ни военные не взяли на себя ни крупницы славы. К счастью, кукуруза росла на заднем дворе усадьбы Ся, а картофель и вовсе зрел под землёй, так что об их истинном происхождении знали лишь преданные члены семьи.

Генерал Фу тайно распорядился щедро вознаградить семейство Ся из личной казны. Однако господин Ся проявил скромность: взял лишь несколько рулонов добротной ткани на одежду для домочадцев, а все золото и драгоценности отослал обратно. Благодаря столь благородному ведению дел доверие между ними крепло с каждым днём.

Когда в деревню пришла страшная весть о гибели на поле боя двух молодых генералов, скорбь охватила дом Ся. Госпожа Ся тотчас отправилась в храм Бессмертной Девы, чтобы затеплить там лампаду вечного поминовения по усопшим воинам. Никто не стал рассуждать о том, пристало ли даосской обители заниматься подобными обрядами, кои обычно вершились в буддийских монастырях. Старый даос Сюй, получив щедрое подношение, с радостью взялся за дело и велел Сюй Хэлаю день и ночь следить, чтобы огонь в светильниках не угасал.

На каждые праздники из Генеральского поместья исправно прибывали богатые дары. Пусть Ся не могли похвастаться сопоставимым достатком, они всегда старались собрать достойную ответную корзину. Помня о свирепых морозах на северных рубежах, Ся Чэнь предложил матери и невестке сшить тёплые головные уборы с ушами. Для подкладки пустили превосходный мех, который господин Ся загодя выменял у заезжих купцов. Вдобавок женщины смастерили тёплые наколенники и шерстяные безрукавки для защиты от ветра.

Помимо одежды, Ся Чэнь приготовил несколько глиняных кувшинов с острой закуской. В те времена на землях Великой Ань ещё не знали перца чили. Остроту блюдам придавали особые дикие травы, обладавшие резким, но водянистым вкусом с заметной горчинкой, отчего их мало кто жаловал.

Когда Ся Чэнь вырастил первый урожай настоящего чили, любопытный Нань-гээр, польстившись на красивые алые стручки, сорвал один и не задумываясь отправил в рот. В ту же секунду малец залился слезами, дико заверещал и схватился за язык. Перепуганные домочадцы решили, что ребёнок смертельно отравился.

К счастью, Ся Чэнь подросел вовремя, иначе его с таким трудом выпестованную грядку разгневанная родня вырвала бы с корнем. Но даже после этого случая приучить семью к новой пряности оказалось делом непростым. Стоило Ся Чэню потянуться за перцем, как домашние бросались наперерез с таким видом, будто он вознамерился испить мышьяку.

Лишь со временем, шаг за шагом, ему удалось растопить их недоверие. Начав с крошечной щепотки, семья незаметно вошла во вкус, да так, что теперь без острой приправы за стол никто не садился. Исключением остался лишь Ся Далан, чей желудок категорически отказывался принимать жгучую пищу.

Ся Чэнь попросил отца раздобыть сочной говядины, мелко порубил её и обжарил с добавлением чили и домашней соевой пасты до аппетитного янтарного блеска. Получившийся густой, ароматный и в меру острый соус он разложил по глиняным горшочкам, наглухо запечатал воском и передал вместе с гонцами.

Ответные подношения Ся не блистали роскошью, но были сотканы из искренней заботы. Когда

из генеральского поместья снова прибыли люди, они поведали, что присланные вещи оказались незаменимы в походной жизни. А уж говяжий соус защитники рубежей расхватили в мгновение ока, и сам генерал Фу просил передать поклоны и узнать, нельзя ли приготовить ещё одну партию.

Ся Чэню казалось, что великий генерал Фу стал для его отца кем-то вроде земного божества. Впрочем, этот мужественный воин и впрямь заслуживал глубочайшего почтения. Вся семья Ся почитала за честь помочь защитникам рубежей, тем более что вестники из генеральского поместья всякий раз наотрез отказывались брать гостинцы даром и непременно оставляли щедрую плату.

Поэтому Ся Чэнь охотно делился с генералом Фу любыми своими кулинарными изысками: вяленным мясом, бульонными кубиками, домашним колотым сахаром и многим другим. За годы столь тёплого общения генерал в своих письмах незаметно сменил вежливое «почтенный племянник» на простое и ласковое «Юаньбао». А недавно он и вовсе прислал послание господину Ся, в котором выразил желание принять Ся Чэня в свой род на правах названного сына.

Обычно господин Ся пришёл бы в ярость от мысли, что кто-то посягает на его любимое чадо. Но когда предложение исходило от прославленного героя, а само покровительство сулило младшему сыну блестящее будущее, отцовское сердце дрогнуло. Подавив мимолётный укол ревности, он ответил согласием.

Ся Чэнь лишь беззвучно открывал рот от изумления.

«То есть меня даже спросить не соизволили? Просто взяли и приставили второго отца?» — только и оставалось подумать ему.

<http://bllate.org/book/18260/1759631>